

BEATA TROJANOWSKA

0000-0003-3624-8553

Uniwersytet Kazimierza Wielkiego
Instytut Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej
ul. Grabowa 2
85-601 Bydgoszcz
beatroj@ukw.edu.pl

ЛАВР ЕВГЕНИЯ ВОДОЛАЗКИНА – ДИАЛОГ С ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИЕЙ

EVGENY VODOLAZKIN'S *LAURUS*: A DIALOGUE WITH THE OLD RUSSIAN LITERARY TRADITION

В статье предпринята попытка представить сходства и различия в романе Евгения Водолазкина *Лавр* с древнерусской литературой, особо с такими ее жанрами, как: житие, религиозное путешествие и хроника, при помощи сопоставительного метода. Появляющиеся в заглавии определение «диалог» стоит понимать как взаимодействие и совокупность непосредственных отношений и связей романа Водолазкина с русским Средневековьем. Упоминается также аналогия с древним греческим романом. Автор статьи, с одной стороны, подчеркивает, что синкретический жанровый характер романа *Лавр* впитывает в себя избранные элементы указанных выше литературных текстов прошлого, но, с другой стороны – открывает новаторскую трактовку времени Водолазкинским. Это придает тексту оригинальность и позволяет соединить ситуации и персонажей прошлого с настоящим и будущим, что в целом влияет на универсальный характера романа *Лавр*. Таким образом, мы попытались показать динамику древнерусской традиции, которая является не застывшим и мертвым явлением, а постоянно развивающимся, наглядным примером чего является жанр и содержание романа *Лавр* Водолазкина – как продолжителя этой концепции.

Ключевые слова: категория времени, Лихачев, современность, древнерусская литература, праведник, святой, роман, Евгений Водолазкин.

The paper is an attempt at describing similarities and differences between Evgeny Vodolazkin's novel *Laurus* (*Lavr*) and the Old Russian literature, in particular such genres of the latter as the lives of saints, religious travel writing, chronicle and *paleia*. The analogy with ancient Greek novel is also mentioned. The author of the paper on the one hand stresses that due to its syncretic character, the novel *Laurus* absorbs selected elements of the above-mentioned texts of the past, and on the other hand analyses Vodolazkin's innovative treatment of time. This last aspect contributes to

the text's originality and makes it possible for the writer to connect situations and personages from the past with the present and the future, which, altogether, renders *Laurus* universal.

Translated from the Russian by Marta Kaźmierczak

Keywords: Old Russian literature, the righteous, saints, novel, Vodolazkin, contemporaneity.

Я ушел в XV век, чтобы рассказать о том,
что мы забыли в XXI веке.

Евгений Водолазкин¹

Автор вышеприведенных слов – писатель и заодно профессиональный филолог-медиевист, научный сотрудник Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН, исследователь хронографического и палейного повествования в древнерусской литературе, автор ряда статей о календарных реформах на Руси, о знаке и значении в древнерусской письменности². Автора данной статьи Евгений Водолазкин интересует как создатель романа *Лавр*, написанного в 2012 году. Главным героем этого произведения является средневековый травник Лавр, обладающий даром исцеления, который стремится к святости путем юродства, отшельничества и мученичества. Лавр выступает как положительный герой, тип праведника, который выходя из древнерусской культуры и литературы XV века, удачно проходит к категории преподобного через другие времена (отмеченные Водолазкиным в романе) – именно к современности. Как подчеркивает Анна Архангельская: «[...] *Лавр* – это прежде всего роман о времени. Время в романе течет по-разному, и все эти разные течения сложным образом пересекаются между собой»³.

Итак, в романе можно выделить линейное время, которое начинается с дня рождения Арсения и заканчивается в момент его смерти, причем это время завязано на календарь, и многие из описываемых Водолазкинским событий происходят до 1492, который многие считают годом конца света⁴. Для такого рода времени характерна жанровая связь с житием

¹ Цитата взята из интервью Водолазкина на встрече с читателями в Лондоне 18 апреля 2016 года. См.: Ю. Юзефович, *Евгений Водолазкин: «Я ушел в XV век, чтобы рассказать о том, что мы забыли в XXI веке»*, [электронный ресурс] <https://angliya.com/2016/04/18/vodolazkin-slovo-london-2016/> [25.07.2018].

² А. В. Архангельская, *Время древнерусское и современное в романе Евгения Водолазкина «Лавр»*, [в:] *Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2013 г. и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых*, под ред. М. Э. Соколова, Г. А. Голубева, В. А. Иванова, Н. Н. Миленко, В. В. Хапаева, Севастополь: ООО «Экспресс-печать», т. 1, с. 113–114.

³ Там же.

⁴ Там же.

или жизнеописанием (хроника), что указывает на связь времени с жанром. Причем, на что обращает внимание Дмитрий Лихачев: «Время в летописи не едино» и хроники являются «грандиозной ареной борьбы двух представлений о времени: дописьменном (эпическом) с временем в новых исторических представлениях»⁵. Сложность этих временных отношений отмечена также Водолазкинским в *Лавре*. Итак, кроме линейного времени, стоит назвать и романное (эпическое) время, которое образует своеобразные концентрические круги⁶. Для примера, первый из них касается самого героя, который находясь в детском возрасте, видит себя седым стариком:

Глядя в печь, Арсений видел там порой свое лицо. Его обрамляли седые волосы, собранные в пучок на затылке. Лицо было покрыто морщинами. Несмотря на такое несходство, мальчик понимал, что это его собственное отражение. Только много лет спустя⁷.

В другой раз Арсений соображает себя пожилым врачом, спасающим жизнь княгине.

Второй концентрический круг образуют перескачки в другие исторические времена и они не связаны с личным участием героя. Для примера – описание археологической экспедиции в Псков Юрием Строевым, совершенной в 1977 году. Слияние прошлого и будущего времени с настоящим, эти временные переходы свидетельствуют о циклическом (круговом) понимании времени, в котором события повторяются с некими мелкими изменениями. Причем, они дублируются как бы сами по себе, даже независимо от времени. Иллюстрацией могут нам служить хотя бы два эпизода: роды Устины и ее смерть с ребенком (*Книга Познания*) и роды Анастасии, затем смерть самого Лавра, описанные в *Книге Покоя*.

В романе появляется также библейское время, причем «[...] главные события, происходящие в романе (рождение героя, возвращение на родину, смерть) соотносятся с событиями *Священного писания* со Сотворением мира, со Страшным судом, с потопом»⁸. В данном временном пересечении, разнообразии сочетаемых временных пластов, обладающих признаком особой гармонии, ощущаем связь с притчей. При этом, тщательное описание персонажа внезапно начинает обладать признаком обобщенности, абстрактности и вечности.

⁵ Д. С. Лихачев, *Летописное время*, [в:] *Поэтика древнерусской литературы*, Москва: Издательство «Наука» 1979, с. 254–268.

⁶ Термин употребляем за Анной Архангельской.

⁷ Е. Г. Водолазкин, *Лавр. Неисторический роман*, Москва: Издательство АСТ 2017, с. 33. Очередные цитаты из этого издания даются в скобках после цитаты с указанием номера страницы.

⁸ А. Д. Маглий, *Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр»*, «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология» 2015, № 1, с. 183.

Новаторство романа *Лавр* Водолазкина заметно на уровне жанра и художественных приемов, создающих особую структуру данного текста. Стоит также отметить факт, что ключом к пониманию проблематики жизни и смерти, к стремлению человека к святости в *Лавре* является новаторский подход Водолазкина к решению вопроса времени в романе, который именно является стержневым для литературного эксперимента. Дальше – важными для обсуждения связей современного текста Водолазкина с русским Средневековьем – кажутся также указанные автором *Лавра* перемены персонажа на уровне его художественной конструкции, в которых заметны связи с литературной традицией – древнерусской книжной письменностью, прежде всего житийной литературой, и жанром религиозных путешествий, затем и с другими литературными жанрами.

Евгений Водолазкин называет свое произведение романом «неисторическим», пытаясь этим определением выйти за рамки главного описываемого времени, значит XV века, перейти через разные времена к современности и открыть перед читателем возможность универсального осмысления текста в целом. *Лавр* по своей жанровой форме является синкретичным произведением, так как впитывает в себя реминисценции, типичные не только для житий, но и для жанра религиозных путешествий, хроники, палеи и античного романа. В случае последнего названного жанра стоит упомянуть прежде всего греческий роман, который выделялся авантюрным мотивом и приключениями влюбленных⁹. Оба этих элемента повторяются в романе *Лавр*. Первый из них особо характерен для описания паломничества героя в Иерусалим и его многих перипетий, зато второй – можно отнести к самому Арсению и его любимой Устине, верным которой герой остается до конца своих дней. Кроме греческо-романных аналогий, обнаруживается в романе и связь с *Библией*, а точнее – с ветхозаветным мотивом, где у Водолазкина вечная история Адама и Евы в трансформированном облике описывает любовь Арсения и Устины, в которой некой универсалией становится греховность человека перед Богом и потребность спасения души ближнего. В этом плане интересным примером является также и новозаветный мотив хождения юродивых Карпа и Фомы по водам, наподобие Иисуса Христа¹⁰, но в романе эта ситуация представлена в смеховом и «легком» варианте, которая у очевидцев не воспринимается в качестве чуда:

⁹ Примерами могут служить: *Повесть о любви Херея и Каллиорон* Харитона Афродисийского (II в. н. э.), *Левкитта и Клитифонт* Ахиллы Татии (II в. н. э.), *Эфиопика* Гелиодора (III или IV в. н. э.), а также автобиографическая *Исповедь* Аврелия Августа, написанная им на втором этапе творчества (395–410), насыщенного религиозной и церковной проблематикой.

¹⁰ Хождение Иисуса Христа по водам было чудом, совершенным для уверения учеников в Его Божественности и описывается в трех Евангелиях: от Иоанна (6:16–21), Марка (6:47–51) и Матвея (14:22–33).

Арсений и завеличские молча наблюдали, как юродивые шли один за другим. Они слегка подпрыгивали на волнах и смешно махали руками, удерживая равновесие. На середине реки юродивый Карп остановился. Дождавшись юродивого Фомы, он с размаху ударил его по щеке (с. 195–196).

Анна Маглий в своей статье¹¹ обращает внимание на факт, что именно в *Лавре* Водолазкина: «[...] происходит обновление традиционных канонических жанровых структур – жития, хроники, палеи»¹². Полемика с древнерусской книжной традицией заключается в том, что автор *Лавра* делает отступления от определенного композиционного и стилистического шаблона представительного для жанра агиографической литературы, для которых, все-таки, свойственно формальное разнообразие. К тому же, в одном из интервью, опубликованном в сентябре 2013 году в «Новой газете», Водолазкин отмечает:

В этом романе, как ни странно, очень мало выдуманного. Там использовано несколько десятков житий, и это абсолютно реальные люди. Бахтин называл такой тип житий кризисными: начинается с падения, и дальше человек движется из абсолютного низа кверху. При этом страдает ужасно от своего несовершенства: чем выше поднимается, тем глубина греха, в котором он погряз, для него очевиднее¹³.

Учитывая литературную биографию главного героя романа *Лавр*, обнаруживаем факт, что очередные этапы его жизни почти не связаны друг с другом, а выражаются именно путем смены имен персонажа: Арсений/Устин/Амвросий/Лавр, а также дополнительно прозвищами, которые его особо характеризуют: «У него было также два прозвища. Одно из них – Рукинец – отсылало к Рукиной слободке, месту, где он появился на свет. Но большинству этот человек был известен под прозвищем Врач, потому что для современников прежде всего он был врачом» (с. 2).

Итак, главный персонаж *Лавра* представляется читателю не как одно лицо, а некий собирательный образ нескольких типов русских людей, стремящихся к духовному совершенству согласно Божьим идеалам¹⁴. Такому

¹¹ А. Д. Маглий, *Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр»...*, с. 177–186.

¹² Там же, с. 178.

¹³ М. Токарева, *Евгений Водолазкин: «История человека важнее истории человечества»*, «Новая газета», № 109 от 30 сентября 2013 г., [электронный ресурс] <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187> [27.06.2018].

¹⁴ Вспоминается в этом месте лесковский Голован из повести *Очарованный странник* (1873), который в борьбе с греховностью своей собственной души принимает разные имена и подвергается разным испытаниям судьбы.

ощущению способствует также смена его облика жизни, связанного с перемещением в пространстве. Родился он в Рукиной слободке, а когда родители умерли от мора, он стал жить с дедом Христофором в избе у самого кладбища, затем после смерти Устины отправился в длинный путь «с неопределенной географической целью», помогал лечить больных по разным местам Руси, на какое-то время связался с Белозерском и Псковом, совершил опасное путешествие в Иерусалим, чтобы наконец вернуться и умирать в родной местности. Эти перемещения пространственного характера образуют как бы круг¹⁵ (наподобие времени).

Стоит отметить факт, что самым кризисным моментом в жизни Арсения можно считать смерть любимой Устины с ребенком, когда у героя сильно проявилось ощущение своего несовершенства и вины перед нею. В этом случае, можем сказать за Бахтиным, что у Водолазкина показаны элементы кризисного жития. Итак, если образцом типичного монашеского жития будем считать *Житие Феодосия Печерского* (конец XI века)¹⁶ Нестора Летописца, то видны существенные различия. Во-первых, в начале романа *Лавр* не появляются обязательные элементы жития – прославление Бога, затем похвала святому, о котором идет речь, и «начальное упоминание о благочестивых родителях будущего святого»¹⁷. Причем, жития обычно имеют трехчастную композицию, в которой можно выделить вступление, центральную часть и заключение. Зато в *Лавре* Водолазкина отмечаем другое подразделение. Роман начинается с *Прологомены*, выполняющей функцию как вступления, так и заключения произведения. Далее следует подразделение текста на четыре части: *Книгу Познания*, *Книгу Отречения*, *Книгу Пути* и *Книгу Покоя*, в которых главный персонаж пытается создать разные типы святости. Интересно изображен автором аспект времени в отношении к средневековому врачу Арсению. В окончании *Прологомены* читаем, что: «[...] можно с уверенностью сказать, что в настоящее время его с нами нет. Стоит при этом оговориться, что сам он не всегда понимал, какое время следует считать настоящим» (с. 10). Из вышеприведенной цитаты вытекает особый подход автора романа к времени, а история Лавра в целом убеждает читателя в том, что преподобный Арсений живет как бы вне конкретного исторического времени, «сверх времени», о чем свидетельствуют его видения и сны, иллюстрирующие разные

¹⁵ Время также представляется Водолазкинским в романе *Лавр* наподобие круга: «Время более не движется вперед, но идет по кругу, потому что по кругу идут насыщающие его события» (с. 374).

¹⁶ *Житие Феодосия Печерского*, [электронный ресурс] <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4872> [21.05.2018].

¹⁷ U. Wójcicka, *Из истории русской культуры. Истоки христианской традиции*, Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy 2005, с. 32.

исторические эпохи: от Средневековья вплоть до наших времен. Интересно, что привидения, своего рода временные «перескачки», касаются также других лиц романа – деда Христофора и итальянца Амброджо Флеккиа. Этот последний, в момент смерти, видит такое событие: помещение на колокольни Петропавловского собора на шпиле ангела с крестом (1717 г.), а потом его ремонт при помощи вертолета (1957 г.). Зато дед Христофор, поселяясь в пустой избе близ кладбища, знает, что за ближайшее 54 года этому месту ничто не угрожает, но при этом умеет предвидеть его будущее состояние: постройку церкви в XV веке, разрушение ее поляками в начале XVII века, создание больницы для бедных после 1817 года, а в начале XX века – организацию массовых захоронений при участии ЧК, появляется и эпизод с немецким летчиком, и, наконец – переобразование этого места с 1991 г. Садовством. Такая трактовка персонажа позволяет увидеть в нем вневременной символ, некий идеал человеческого поведения. Стоит в этом месте добавить, что жанр жития строго придерживается временной последовательности, а в случае *Жития о Феодосии Печерском*, которое близко традиции византийского преподобнического жития, аспект хронологического развития событий во времени вполне сохраняется. Среди других различий, выступающих между этими двумя текстами, стоит обратить внимание на факт, что в *Житии о Феодосии Печерском* подчеркнута Нестором, что он с детства отличался прилежанием к Церкви и бежал от радостей и соблазнов «мирской жизни». В случае Арсения – он с детства не отличается как Феодосий «прилежанием к Церкви», не пытается жить как святой монах, но обладает даром исцеления и вызывает у людей особую симпатию:

Появление ребенка поднимало настроение. Это чувствовали все жители Рукиной слободки. Когда они брали Арсения за руку, ее не хотелось отпускать. Когда целовали его в волосы, им казалось, что они припадали к роднику. Было в Арсении что-то такое, что облегчало их непростую жизнь. И они были ему благодарны (с. 24–25).

Однако первоначальный этап его жизни можно вполне назвать «светским». После смерти родителей во время эпидемии его воспитанием занимается дед Христофор, который обучает мальчика грамоте и знаниям о растениях, применяемых в лечении людей. При этом дед-ведун и травник знакомит Арсения с анатомией человека, указывает ему красоту его телосложения. Во время бальзамирования покойника Христофор обращается к мальчику со словами: «Человек сотворен из праха. И в прах обратится. Но тело, которое ему дано на время жизни, прекрасно. Ты должен знать его как можно лучше, Арсение» (с. 35). Такое поучение деда сосредоточивает

внимные мальчика на другом человеке, учит его уважения и любви к нему, делая его более чутким к красоте окружающего мира.

Очередным «светским» элементом жизни Лавра становится чтение истории об Александре Македонском:

Под одной из икон в красном углу лежала *Александрия*, древняя повесть об Александре Македонском. Эта книга была некогда переписана Феодосием, дедом Христофора. [...]

Александрию Арсений читал постоянно. Он читал ее сидя на лавке и лежа на печи, зажав руки между колен и навалившись головой на ладони, утром и вечером. Иногда – ночью, при свете лучины. Христофор не возражал: ему нравилось, что мальчик много читает. При первых словах *Александрии* к Арсению подходил волк. Он укладывался у его ног и слушал необычное повествование. Вместе с Арсением внимательно следил за событиями жизни македонского царя (с. 41–42).

В описании интересен образ волка, который в христианской традиции означает злобность и ненасытность¹⁸, являясь заодно символом зла¹⁹ и опасностей враждебного мира, в который посланы ученики Иисуса Христа²⁰. В романе Водолазкина волк, сидящий у ног Арсения, применяет облик смиренного дикого животного, заслушанного в светскую историю. Его литературное изображение в *Лавре* вызывает аналогии с ассирийской легендой о том, как святой Франциск Ассизский свирепого и страшного волка²¹, появившегося в окрестностях города Агуббио, осенил крестным знаменем и с того момента до своей смерти волк стал смиренным²². В данном сопоставлении обнаруживаем связь этой истории, с одной стороны,

¹⁸ Е. Я. Шейнина, *Энциклопедия символов*, Москва: Издательство АСТ 2001, с. 77.

¹⁹ «Волк – очень древний символ, имеющий амбивалентное содержание, и одно из наиболее мифологизированных животных. В мифах, фольклоре, сказках Евразии волк является носителем как положительного, так и отрицательного начала, олицетворяя жестокость и кровожадность, но также храбрость и благородство». См.: Г. Бедненко, *Образ волка у индоевропейцев*, [электронный ресурс] <http://slavyanskaya-kultura.ru/arisk/obraz-volka-u-indoevropcejev.html> [25.06.2018]; М. С. Самарина, *Символика волка в культуре от Капитолийской волчицы до волка Франциска Ассизского*, «Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина» 2012, с. 216–224; <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-volka-v-kulture-ot-kapitolijskoj-volchitsy-do-volka-frantsiska-assizskogo> [25.06.2018].

²⁰ М. Feuille, *Leksykon symboli chrześcijańskich*, пер. М. Paleń, Poznań: Księgarnia św. Wojciecha, 2006, с. 151.

²¹ В преданиях коми вспоминается о святителе Стефане Пермском, на которого была наслана стая волков, стадо медведей и буря, чтобы остановить процесс христианизации Вычегды, но он в этой борьбе воспользовался своими колдовскими силами и их победил. См.: Ф. В. Плесовский, *Сказки. Предания*, [в:] *История коми литературы*, Сыктывкар 1979, т. 1; [электронный ресурс] <http://ethnokomi.ru/folk/myth/252.htm> [13.10. 2018].

²² *О благочестивом чуде Святого Франциска, укротившего лютого волка в Агуббио*, [электронный ресурс] <http://raskazka.net/o-blagochestivom-chude-svyatogo-franciska-ukrotivshego-lyutogo-volka-v-agubbio/> [25.06.2018].

с фольклором (жанр легенды, притчи), но, с другой – с житием святого Франциска Ассизского²³.

Привязанность Арсения к светскому быту усиливает еще любовь к Устине, которая очень сильно связывает его с плотской жизнью, но ее смерть вместе с ребенком в утробе становится причиной изменения облика жизни героя и принятия им имени Устин. На этом этапе жизни героя обнаруживаются его связи с русскими православными традициями. Он, наподобие Ксени Петербургской²⁴, принимает облик любимого супруга и начинает тяжелый путь юродства. В произведении *Лавр*, что интересно, отсутствуют политические контексты (которые выступают, например, в *Житии Бориса и Глеба*). Водолазкин целенаправленно избегает государственно-политических реминисценций.

Синкретический жанр романа Водолазкина содержит в себе также элементы религиозного путешествия. Праобразом в этом отношении может служить *Хождение игумена Данила* (XII в.), в котором он описал свое паломничество в Палестину в 1106 году. Игумен Данил побывал в Иерусалиме шестнадцать месяцев и в 1108 году вернулся на родину. Притом *Хождение...* «[...] представляет большой интерес своим подробным описанием „святых мест” и личностью самого автора»²⁵. Сравнивая текст *Хождения...* с *Лавром*, можем прийти к выводу, что оба повествователя, указанных выше произведений, отличаются большой любознательностью: их интересует природа, планировки городов, они умеют передавать читателям мир чувств героев, описывать подробности путешествий и тогдашних обычаев, связанных с пребыванием паломников в пути. Для подтверждения данного тезиса приведем один пример из текста Водолазкина:

Полезнее денег для странствующих порой были рекомендательные письма и личные связи. В ту непростую эпоху было важно, что кто-то кого-то в определенном месте ждет или, наоборот, куда-то отправляет, ручается за него и просит ему споспешествовать (с. 249).

Дальше повествователь обращает внимание на факт, что путешествия подтверждали непрерывность пространства. Стоит упомянуть в этом месте, что путешествия – паломничества русских людей на христианский Восток

²³ Святой Франциск Ассизский (1182–1226) почитается Католической церковью и является покровителем животных, отсюда в живописи часто изображается его портрет в соседстве волка, птиц и овцы.

²⁴ Ксения Петербургская (1719/1730–1803) после смерти мужа, когда ей было 26 лет, она избрала тяжелый путь юродства, облачилась в одежды мужа, никогда с тех пор не носила женской одежды и откликалась только на имя своего мужа.

²⁵ В. В. Кусков, *История древнерусской литературы* (изд. 3), Москва: Высшая школа 1977, с. 73.

начались уже с XI столетия²⁶ и как *Хождение игумена Данила*, так и *Лавр Водолазкина* описывают данное явление, однако, с той разницей, что первое произведение посвящается полностью путешествию игумена в Иерусалим и побыванию в нем, зато в случае *Лавра*, паломничество Арсения в Иерусалим со спутником Амброджо Флеккиа дается лишь в одной части романа под названием *Книга Пути*. Причем, в этой части романа Водолазкина дается также описание биографии итальянца, его прибытие на Русь с целью узнать, почему русские предсказывают, что в 1492 году будет конец света, знакомство с Арсением и их путешествие в Иерусалим по просьбе посадника Гавриилы. Амброджо Флеккиа гибнет из руки разбойника буквально на последнем этапе пути паломников. Повествователь не сосредоточивается на том, был ли Арсений в храме Гроба Господня и молился в память погибшей дочери посадника Гавриила – Анны. Знаем только, что серебряную лампаду, которая была предназначена в храм, украл мамлюк и мечом отрубил голову Амброджо. Цель религиозного путешествия – попасть в Иерусалим – в *Лавре*, как будто, не осуществляется, не становится самым важным событием, конечно, в отличие от *Хождения...*, которое полностью посвящается испытаниям игумена Данила на палестинской земле²⁷.

На уровне сюжета *Лавра* интересным становится также факт, что в путь к святому месту отправляются заодно католик – Амброджо Флеккиа и православный – Арсений. Повествователь избегает описания разниц между ними и сосредоточивается на том, что роднит паломников – вере в Бога, как некой высшей универсалии. Новаторское обыгрывание времени, а также особая постановка главного героя и второстепенных персонажей (Христофор, Фома, Карп, Амброджо Флеккиа) способствуют восприятию романа как некой притчи, легенды. Водолазкин, ссылаясь на средневековую книжную традицию, умело соединяет элементы жития, хроники, религиозного путешествия со сюжетным построением античного романа, во всех его разновидностях²⁸. При этом, автор *Лавра*, следуя мнениям своего учителя – Дмитрия Лихачева, насчет системы литературных жанров Древней Руси открывает перед читателем жанровые ассоциации²⁹ в современности

²⁶ Там же, с. 73.

²⁷ *Житие и хождение Данила, русьскыя земли игумена*, [в:] *Хрестоматия по древней русской литературе XI–XVII веков*, сост. Н. Гудзий, Москва, «Полиграфкнига» ОГИЗа при Совете Министров СССР, с. 78–82.

²⁸ Анна Маглий среди этих разновидностей античного романа выделяет: греческий роман испытания, авантюрно-бытовой и биографический романы, [в:] она же, *Жанровое своеобразие романа Е. Водолазкина «Лавр»...*, с. 181.

²⁹ Такой термин появляется в рассуждениях Д. Лихачева на тему системы литературных жанров Древней Руси: Д. С. Лихачев, *Исследования по древнерусской литературе*, отв. ред. О. В. Тварогов, Ленинград: Издательство «Наука» 1986, с. 57.

с мировоззрением русского Средневековья в положительной проекции главного персонажа. Наконец можно прийти к выводу, что в романе *Лавр* явно ощутим диалог Водолазкина с древнерусской литературной традицией, понимаемый как взаимодействие, динамический процесс взаимопроникновения на уровне разных элементов структуры литературного текста, главным образом времени (традиция летописного времени у Лихачева), а также пространства, характеристики персонажей и самого сюжета.

References

- Arkhangelskaya, Anna V. *Vremya drevnerusskoe i sovremennoe v romane Evgeniya Vodolazkina "Lavr"*. In: *Materialy nauchnoi konferentsii "Lomonosovskie chteniya" 2013 g. i Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchennykh*, ed. M. E. Sokolova, G. A. Golubeva, V. A. Ivanova, N. N. Milenko, V. V. Khapaeva, Sevastopol: OOO Ekspress-pechat. Vol. 1: 113–114.
- Bednenko, Galina. *Obraz volka u indoevropeitsev*. <http://slavyanskaya-kultura.ru/arisk/obraz-volka-u-indoevropeitsev.html>.
- Feuillet, Michel. *Leksykon symboli chrześcijańskich*, transl. M. Paleń. Poznań: Księgarnia św. Wojciecha, 2006: 151.
- Kuskov, Vladimir V. *Istoriya drevnerusskoi literatury* (izd. 3). Moskva: Vysshaya shkola, 1977.
- Likhachev, Dmitrii S. *Letopisnoe vremya*. In: *Poetika drevnerusskoi literatury*, Moskva: Izdatelstvo "Nauka", 1979: 254–268.
- Likhachev, Dmitrii S. *Sistema literaturnykh zhanrov Drevnei Rusi*. In: *Issledovaniya po drevnerusskoi literature*, ed. O. V. Tvarogov. Leningrad: Izdatelstvo "Nauka", 1986: 57–68.
- Maglii, Anna D. "Zhanrovoe svoeobrazie romana E. Vodolazkina *Lavr*". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya*, No 1 (2015): 183.
- O blagochestivom chude Svyatogo Frantsiska, ukrotivshogo lyutogo volka v Agubbio*. <http://raskazka.net/o-bлагоchestivom-chude-svyatogo-franciska-ukrotivshogo-lyutogo-volka-v-agubbio/>.
- Plesovskii, Fedor V. *Skazki. Predaniya*. In: *Istoriya komi literatury*. Vol. 1. Syktyvkar, 1979.
- Samarina, Marina S. "Simvolika volka v kulture ot Kapitoliiskoi volchitsy do volka Frantsiska Assizskogo". *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*, 2012: 216–223. <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-volka-v-kulture-ot-kapitoliyskoy-volchitsy-do-volka-frantsiska-assizskogo>.
- Sheinina, Elena Ya. *Entsiklopediya simvolov*. Moskva: Izdatelstvo AST, 2001: 77.
- Tokareva, Mariya. "Evgenii Vodolazkin: 'Istoriya cheloveka vazhnee istorii chelovechestva'". *Novaya gazeta*, No. 109 ot 30 sentyabrya 2013 g. <https://www.novayagazeta.ru/articles/2013/09/27/56548-evgeniy-vodolazkin-171-istoriya-cheloveka-vazhnee-istorii-chelovechestva-187>.
- Vodolazkin, Evgenii G. *Lavr: Neistoricheskii roman*. Moskva: Izdatelstvo AST, ed. 2017.
- Wójcicka, Urszula. *Iz istorii russkoi kultury. Istoki khristianskoi traditsii*. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, 2005.
- Yuzefovich, Yuliya. *Evgenii Vodolazkin: "Ya ushel v XV vek, chtoby rasskazat o tom, chto my zabyli v XXI veke"*. <https://angliya.com/2016/04/18/vodolazkin-slovo-london-2016>.
- Zapesotskii, Aleksandr S., Lukyanov. "Vyacheslav G. Likhachev Dmitrii: o sushchnosti kulturnoi traditsii". *Voprosy kulturologii*, No. 7 (2007): 7.
- Zhitie Feodosiya Pecherskogo*. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4872>.
- Zhitie i khozhdenie Danila, russkyya zemli igumena*. In: *Khrestomatiya po drevnei russkoi literature XI–XVII vekov*, ed. N. Gudzii. Moskva: «Poligrafkniga» OGIZa pri Sovete Ministrov SSSR, 1947: 8–82.